

ЕВРОПЕЙСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ И ВОЕННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА СЛУЖБЕ ИВАНА IV В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ: ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИИ ГАНСА ШЛИТТЕ

Вопрос о присутствии западных мастеров в Москве времени Ивана Грозного до последнего времени не ставился. Во-первых, представление об иностранных архитекторах, которые могли работать в России в XVI в., было связано исключительно с Италией, а последний итальянский архитектор, работавший в Московии, Петр Фрязин (предположительно, Петрок Малой), бежал в 1538 г. Во-вторых, в историографии сложилось устойчивое представление о зодчестве эпохи Ивана Грозного как о периоде создания самобытной русской архитектуры, обогащенной итальянскими новациями.

В то же время и архитектурный материал, и источники позволяют говорить о присутствии европейских мастеров в период правления Ивана Грозного. Так, удалось установить имена английских архитекторов, приехавших на службу к русскому царю в 1560-е гг.¹ Существуют и другие свидетельства, что поиск иностранных мастеров производился в течение всего царствования Ивана IV и не ограничивался Англией². Данная работа представляет опыт систематизации этих сведений.

История западных мастеров в Москве начинается с Ганса Шлитте, который еще в 1547 г. взялся доставить архитекторов и других мастеров из Священной Римской империи. Считается, что предприятие закончилось неудачей, и это служило подтверждением отсутствия западных мастеров в Москве в грозненскую эпоху. Существующая историография не отвечает на вопрос о том, насколько программными были эти поиски и оправдались ли в действительности московского правительства Ивана Грозного на обретение новых источников найма европейских архитекторов.

Прежде всего, зададимся вопросом о том, насколько необычной была отправка агента из Москвы в Священную Римскую империю за мастерами и архитекторами. Традиционно история найма итальянских мастеров связывается с самой Италией. В меньшей степени комментировались попытки найти итальянских специалистов в других странах, где они, по сведениям Москвы, работали или могли работать по контракту. Как показал Б.Н. Флоря, обращение в конце XV в. с подобной просьбой к европейским государям объясняется трудностями найма мастеров в Италии³. Так, обращение в конце XVI в. к венгерскому королю Матьяшу Корвину было связано с задержкой в Ревеле осенью 1487 – зимой 1488 г. посольства Дмитрия и Мануила Ралевых, которые должны были срочно привезти из Италии архитектора-фортификатора для завершения строительства кремлевских стен. Вопрос о мастерах, «которые умеют церкви и полаты ставить и города делати»⁴, не содержал просьбы прислать именно итальянских архитекторов. Так же и Юрию Траханиоту, отправивше-

муся в Священную Римскую империю к императору Фредерику, было повеле-
но просить «каменщика добывати хитрого, который бы умел полаты ставити»⁵,
без указания, что он должен быть итальянцем. Как только в 1489/1490 г. Рале-
вы привезли, наконец, в Москву ломбардского архитектора Пьетро Антонио
Солари, поиски мастера за пределами итальянских государств прекратились.
Когда Юрий Грек (Траханиот) в августе 1490 г. снова поехал к императору, ему
было поручено лишь найти врача. Б.Н. Флоря сделал важное наблюдение, ука-
зав на то, что поиски мастера возобновились только после смерти Пьетро Анто-
нио Солари в 1493 г.⁶ В памяти 6 мая 7 000 (1492) г., данной Юрию Траханиоту,
содержится одна из просьб к императору: «или которые люди из Италийских
стран пойдут через твою землю на наше имя, и ты бы их велел оберегати и про-
пускати по своей земле добровольно, также которые мастера какие из твоей
земли похотят к нам ити на наше имя, и ты бы их велел отпускати для нас»⁷. Ха-
рактерно, что кроме пропуска через имперские земли лиц, идущих в Московию
из Италии, речь идет, как и раньше, о найме мастеров в самой империи.

В 1521 г. Россия снова ищет итальянских мастеров, в данном случае уже
у короля Дании: «... которые будут у тебя мастера в твоей земле фрязове архи-
тектонны и зеньядуры, которые мастера горазди каменого дела делати, и литици
которые бы умели лити пушки и пищали, и ты б тех мастеров к нам прислал...»⁸.

Таким образом, уже с конца XV в. круг стран, где московский великий
князь хотел нанять архитекторов, в том числе и итальянцев, к себе на служ-
бу, был достаточно широким. Среди них уже с конца XV в. важное место зани-
мает Священная Римская империя. Среди мастеров, названных в источниках,
мы видим целый ряд пушечных литейщиков явно немецкого происхождения.
Это упоминающиеся в 1521 г. пушечных дел мастер Ганс Иордан (из Галля или
Инсбрука), литейщик Никлассен (из окрестностей Шпейера), пушечный ма-
стер Вальх, работавший в 1521–1526 гг.⁹ Доказано, что известный литейщик
колоколов Николай Немчин, работавший в Москве в начале 1530-х гг., был
не итальянцем, а немцем¹⁰. Интересна и фигура пушечного мастера Игнатия,
отлившего в 1542/1543 г. «гафуницу» (гаубицу) с декором, характерным для
искусства немецкого Возрождения. А.П. Лебедевская, подробно разобрав-
шая параллели рельефов на гаубице с немецкой орнаментикой, допускала
иностранное происхождение Игнатия¹¹. Материалы допроса Петра Фрязина
у дерптского епископа говорят о том, что в конце 1530-х гг. в Москве жили
немцы, и московская служба продолжала привлекать немецких ремеслен-
ников. Епископ осведомился, не знал ли бежавший фрязин в Москве немца
Александра. Петр отвечал утвердительно и сообщил, что этот Александр имел
друга в Дерпте, пушечного литейщика и артиллериста, который собрался уе-
хать на службу к великому князю. Епископ сумел найти немца и сослал его¹².
Таким образом, немецкие земли были представлены своими мастерами не
только в Москве при Василии III, но и позже, при его вдове Елене Глинской.

В период ее регентства, как и во время великого княжения Ивана IV,
вплоть до 1547 г., судя по источникам, не было попыток найти иностранных
мастеров. До конца 1530-х гг. на Руси работали мастера, приехавшие при

Василии III. После 1538 г., когда Петр Фрязин сбежал в Дерпт¹³, об их деятельности нет сведений. Лишь в 1547 г. в Священную Римскую империю, к императору Карлу V с поручением от московского великого князя отправляется известный в литературе Ганс Шлитте. Почти девятилетнее молчание о необходимости найма в Европе архитекторов и ремесленников объясняется и определенной внутривосточной ситуацией. Одна из возможных и весомых причин возобновления поисков мастеров в Европе — это перспектива Казанской войны, связанная с необходимостью в военных специалистах, в том числе инженерах. Обращение к Священной Римской империи за решением проблемы пополнения квалифицированных иностранных кадров, как мы видим, не является новым для московского правительства. Миссия, с которой был отправлен к императору Ганс Шлитте, не была сама по себе уникальна. История найма иностранных мастеров, врачей и архитекторов показывает, что Москва не раз прибегала к посредническим услугам иностранцев, укрепившихся на русской службе. Особенность миссии Шлитте состоит в том, что она осуществлялась вне дипломатических контактов, а при помощи частного лица. Число подобных эмиссаров могло не ограничиваться Гансом Шлитте. Его дело известно, прежде всего, благодаря скандальности ситуации, связанной с реализацией задания. Не случайно оно зафиксировано не отечественными источниками, которые полностью о ней умалчивают, а документами западных архивов. Другие посланцы великого князя могли остаться неизвестными именно из-за того, что обстоятельства их миссий сложились более удачно. Именно дело Шлитте позволяет нам увидеть, как проходил поиск мастеров и какие трудности мог встретить на своем пути тот, кто брался исполнить поручение московского государя. Попробуем проследить еще раз по сохранившимся документам весь механизм привоза мастеров в Московию в условиях блокады, делая поправки на личные обстоятельства самого Шлитте.

Вопрос о том, приезжали ли иностранцы вне дипломатических миссий в Москву в 1540-е гг., снимается уже фактом приезда самого Шлитте, приехавшего в Московию с рекомендательными письмами от герцога Альберта Прусского. Видимо, благодаря рекомендации своего сюзерена и покровителя, одного из важных лиц Священной Римской империи, владетельного герцога Прусского, Шлитте входит в доверие к великому князю как человек, который может привезти из империи в Москву мастеров, кондотьеров и им подобных. Оценки, данные в исторической литературе личности Шлитте, часто диаметрально противоположны по характеристике — от агента великого князя до авантюриста-самозванца. Шлитте действительно имел задание отправиться в пределы империи и получить разрешение у императора произвести вербовку мастеров и ученых. Об этом свидетельствуют документы, изученные в архивах Кенигсберга, Вены, Любека с начала XIX в. такими учеными, как К. Фабер, И. Фидлер, П. Пирлинг, Г. Форстен, Ю. Щербачев и другие. Представление о Шлитте как о самозваном авантюристе решительно опроверг И.И. Полосин, писавший в предисловии к изданию записок Фейта Зенга: «Едва ли, однако, можно согласиться с мнением, получившим распространение в исторической

литературе, что мы имеем дело лишь с личными авантюрами Ганса Шлитте, в особенности после его побега из любекской тюрьмы. Не так уж были наивны в свое время Карл V и в дальнейшем Генрих II и их дипломаты»¹⁴.

Сомнения ряда историков в правдивости сведений самого Шлитте о своей миссии затрагивают и область нашего исследования. Определенный вес этим сомнениям придавали малодостоверные с точки зрения многих исследователей сведения Шлитте о стремлении царя к объединению православной и католической церковей. Этим объяснялось включение в список набранных им людей и четырех католических богословов. Могут ли эти сомнения распространяться на включение в состав команды, собранной Шлитте, строительных мастеров?

Прежде всего, не вполне ясен текст грамоты Ивана IV, обращенной к императору Карлу V. Судя по цитатам из нее, приведенным П. Пирлингом, работавшим в венском, любекском и кенигсбергском архивах, список необходимых Ивану IV специалистов был разделен на две части. В первой части были указаны: «Мастера и Доктора, изучающие болезни и умеющие их излечивать [*Meister und Doctores, die Kranke pflegen und heilen koennen*], печатники, знающие латинский и немецкий шрифт [*Schriftgelehrte leute, die leteinische und deutsche Schrift wohlverstehen*]»¹⁵. Во второй части этого списка были ремесленники. В действительности и Пирлинг, и другие ученые имели в виду грамоту, подтверждающую полномочия Ганса Шлитте, выданную ему в апреле 7055 (1547) г. Этот документ был опубликован в 1810 г. К. Фабером и, насколько нам известно, больше не издавался.

Приведем его полностью: «Мы великий господин Иван, Божией Милостию Царь и Господин всех, Великий князь Владимирский и пр. Мы желаем, чтобы ты Ганс Шлитте привел в нашу страну следующих людей: Мастеров и Докторов, которые могут распознавать болезни и их исцелять, людей, сведущих в шрифтах, понимающих немецкие и латинские алфавиты, мастеров, умеющих делать латы и панцыри, горных мастеров, знающих, как разрабатывать золотые, серебряные, оловянные и свинцовые рудники, людей, которые могут искать в воде жемчуг и драгоценные камни, ювелиров, пушкарей, литейщиков колоколов, строительных мастеров, которые могут делать каменные и деревянные города, крепости и церкви, военных врачей, которые могут исцелять свежие раны и опытных в лекарствах, людей, знающих как провести воду в замок, и мастеров, делающих бумагу. Этих всех ты можешь к нам привести. Мы всех милостиво примем. Тех, которые захотят нам служить несколько лет, мы отпустим, когда пройдет их срок, с нашей большей милостию снова в их страну. Пожелавшие нам служить всю жизнь, тех мы пожалуем самыми высокими милостями, обеспечив их жильем и жалованьем пожизненно. Писано в нашем городе Москве. В год по русскому исчислению семь тысяч пятьдесят пятом, в месяце апреле»¹⁶. Этот документ содержит формулу, которая может подтвердить его подлинность — это заключительная часть письма, указывающая на возможности временной и постоянной службы. Такая формулировка повторяется в других грамотах Ивана Грозного, в подлинности которых сомневаться не приходится.

Вряд ли эта грамота, подтверждающая полномочия Шлитте, была единственным документом, который он предъявил императору Карлу V. Шлитте прибыл

в Аугсбург, где в то время в присутствии императора заседал рейхстаг. Грамота царя была передана им императору, который уже в свою очередь представил ее на рассмотрение членам рейхстага. Рейхстаг выразил согласие и 30 января 1548 г. Шлитте получил разрешение нанимать на службу к московскому царю необходимых ему людей. Подлинная грамота императора была полностью опубликована И. Фидлером в 1862 г.¹⁷ В более кратком варианте она была включена в Лифляндскую хронику, опубликованную в 1847 г.¹⁸ Эта грамота никогда не публиковалась на русском языке, и поэтому мы считаем уместным ее здесь воспроизвести.

«Нижеследующим мы милостиво дозволяем и разрешаем Хансу Шлиттену на основании и в силу этой грамоты, что он может повсюду в Священной империи, подвластных ей территориях и в наших наследственных княжествах землях, владениях и областях отыскивать и набирать такого рода образованных людей, а именно докторов, магистров всех свободных искусств, литейщиков колоколов, рудознатцев, ювелиров... а также плотников и камнерезов, особенно таких, которые умеют строить изящные церкви, мастеров, которые умеют копать колодцы, бумагоделателей, и врачей и тому подобных мастеров, сведущих в разных искусствах, и вывозил бы их вышеназванному князю в Россию, помятуя о любезности и доброй воле, которую так щедро выказывал его благородный отец Василий, великий князь русский, да будет благословенна его память, нашему предшественнику, и нам и которые вновь избранный князь в той же мере все еще испытывает по отношению к нам, в чем мы имеем возможность убедиться, и мы имеем возможность достоверно убедиться в том, что они оба, и отец, и сын хотят предаться латинской церкви, но с тем, чтобы те люди, которых он намерен привезти к себе в пределы России, не возжелали бы отправиться в Турцию, Татарию или другую страну неверных, где бы они могли обучить этих неверных своему искусству, дабы те не использовали эти знания против нас или наших союзников»¹⁹.

Как писали П. Пирлинг, Г. Форстен и другие исследователи, удача миссии Шлитте была связана с тем, что письмо Ивана IV совпало по времени с замыслами самого императора о создании универсальной монархии. Здесь возникает вопрос, а были ли заявления Шлитте о готовности царя подчиниться папскому престолу его собственной выдумкой. Подобные предложения об объединении церквей, произнесенные устами не официального посла, а агента, не связывали Москву никакими обязательствами. Московское правительство могло сознательно пойти на подобную уловку для скорейшего достижения своих истинных целей. Следует сказать, что московский государь не просчитался. Император Карл V обратился ко всем чинам Священной Римской империи с призывом оказывать Шлитте всякое содействие и не препятствовать желающим выехать на службу к Ивану IV. Столь благоприятные условия позволили Шлитте набрать сто двадцать три человека уже к лету 1548 г. П. Пирлинг полагал, что это в основном были кондотьеры и оружейники, считая, что Шлитте, перечисляя состав своей команды в более позднем письме датскому королю Христиану III, скрывал истинные, отнюдь не мирные, задачи своего путешествия, выдумав просьбу царя о богословах, докторах и прочем²⁰. Однако уже рескрипт императора Карла V служит подтверждением тому, что письмо Шлитте, направлен-

ное королю Христиану III, достаточно адекватно передает задачи, поставленные перед Шлитте в Москве, во всяком случае, в том, что касается архитекторов и каменщиков. В каком-то смысле это письмо компилирует все реальные документы, полученные Шлитте, с его собственными добавлениями. Сначала он рассказывает о своем прибытии с письменным поручением от Ивана IV найти в Германии и привезти на Русь «некоторых докторов и ученых, людей хорошо осведомленных в божественном писании, правоведении и других свободных искусствах, а так же всяких искусных ремесленников». Как мы видим, за исключением упоминания о богословах, все остальное соответствует сообщениям подлинных документов. Далее рассказ также шел по вполне достоверной канве. Шлитте сообщал о своем прибытии и представлении императору, о вручении ему царской грамоты, которую император «не только тотчас лично всемилоостивейше выслушал... но и своею властью... разрешил и дозволил... раздобыть вышеуказанных лиц в Священной Римской империи, а равно и в наследственном государстве его величества, в каком бы месте я их не нашел»²¹. В результате Шлитте получил возможность вербовать мастеров в Нидерландах и, видимо, в Испании, которые были для Карла V наследственными ленами (Нидерланды он унаследовал от матери, а Испанию от отца).

Таким образом, весь комплекс документов не позволяет сомневаться в том, что одной из главных задач Шлитте была вербовка архитекторов и каменщиков. Эти сообщения не идут вразрез с тем, что в Москве требовались военные специалисты. В реалиях того времени архитектор одновременно был и военным инженером. О том, какой направленности архитектуры были необходимы в Москве, говорит сам Шлитте в наброске своего подложного письма от имени Ивана IV императору Карлу V, которое должно было стать ответом царя на подлинное письмо императора от 31 января 1548 г. Это письмо, при всей его малой достоверности, должно было содержать какие-то реалии, соответствующие прежним подлинным документам, какими обменивались обе стороны. Так, в одной из его частей потребность в ученых и мастерах объясняется той неустанной борьбой, которую царь ведет против варваров, то есть неверных. Это вполне соответствует достаточно традиционным для русской дипломатии XVI в. предложениям о союзе в борьбе с мусульманским миром, и прежде всего с Турцией. Для просвещения отвоеванных у варваров областей царь и просил у Карла V прислать «как докторов прав, так и сведущих людей, искусных во всяких светских делах и промыслах, чтобы своим умением они привели (жизнь) этих невежественных стран и народов в лучшее общественное устройство (и) упорядочили (в них) гражданственность и общежитие»²². Подобные доводы Москвы должны были действительно содержаться в грамоте, привезенной Шлитте императору, или в тех устных предложениях, которые тот делал от имени царя 30 января 1548 г. Именно христианизация неверных требовала появления в Московии искусных каменщиков, которые должны были строить на новообращенных землях «величественные и красивые церкви». Вспомним, что именно такая формулировка присутствовала и в грамоте императора Карла V. Стой же общей борьбой против неверных был связан и наем военных архитекторов:

«Затем мы просили о присылке искусных архитекторов и мастеров для постройки на окраинах и границах, против неверных варваров — татар и скифов — больших сильных крепостей и неприступных укреплений...»²³. Эта часть письма имеет точные аналогии в подлинных грамотах московского правительства, написанных в разное время различным европейским государям, и не возникает сомнений в том, что она могла присутствовать в той царской грамоте, которая могла быть адресована императору Карлу V. Именно эти строители фортификационных сооружений, как и полевые врачи, и пушкарки, изготовители доспехов, и были необходимы в Москве в преддверии нового Казанского похода. Характерно, что в сопроводительной грамоте, данной Гансу Шлитте императором, содержалось условие: никто из завербованных Шлитте лиц не мог попасть в Турцию и в зависимые от нее татарские владения. Уже это, кстати, единственное ограничительное требование императора предполагает, что в составе отправляющихся на службу в Москву будут военные специалисты.

Итак, в списке людей, необходимых московскому великому князю, которых мог по повелению императора Карла V набирать Шлитте, были врачи, в том числе военно-полевые, горные инженеры, каменщики, бумажные мастера, плотники (под ними, может быть, подразумевались корабельные мастера), ювелиры, литейщики колоколов, а также изготовители лат и панцирей. В самом перечне этих профессий, за исключением бумагоделателей, не было ничего нового, так как врачи, архитекторы, литейщики и прочие ремесленники всегда приглашались и при Иване III, и при Василии III. Несомненная новизна предприятия была в его масштабе — московское правительство решило получить необходимых специалистов одновременно. И это желание вполне могло осуществиться. Более запутанным остается вопрос о том, кто все-таки входил в число тех людей, которых удалось набрать Шлитте.

О дальнейшем развитии событий, связанных с судьбой экспедиции Шлитте, написано достаточно много. Существуют две основные версии. Первая основана на признании полного провала его миссии. Согласно второй, команда, собранная Шлитте, хотя бы частично смогла проникнуть в Московию. Для обсуждения этой проблемы нам придется еще раз коснуться уже не раз комментировавшихся в литературе фактов, заострив внимание на некоторых из них, наименее заметных, но важных для нашей темы.

Как известно, успешное продвижение Шлитте по землям Священной Римской империи было прервано в конечном пункте его путешествия — в Любеке, где он собирался сесть на корабль и отправиться в Московию. Он стал жертвой самостоятельной политики Ливонского ордена. Позже, в письме к датскому королю Христиану III, Шлитте так трактовал эти роковые для него события. Он «хотел ехать морем к моему... господину, рассчитывая, что любчане, как (люди), присягнувшие римскому цесарскому величеству... (будут) споспешествовать христианскому намерению упомянутого... моего господина и за деньги снабдят меня и моих людей кораблями и другим необходимым для переезда через море...» Однако далее он пишет: «Они набросились на меня... безо всякой причины меня задержали, не захотели пропустить меня ни по

какому пути, ввиду чего выше сказанные люди должны были разбежаться, что и случилось моему... господину не к малому ущербу и убытку. Меня посадили в жестокую... тюрьму, притом отняли силою некоторые подлинные цесарские опасные грамоты, наказ и (другое), что я имел при себе... почти полтора года держали меня в заключении»²⁴. Эта часть письма оказалась принципиальной для истории миссии Шлитте. В ней видели его собственное, и поэтому наиболее достоверное свидетельство того, что все собранные им люди рассеялись и не проникли на Русь. Здесь возникает вопрос, мог ли Шлитте после полутора лет своего заключения знать судьбу своей команды? Ответ на этот вопрос сложен из-за предвзятости сведений, распространявшихся Любекским ратом и Ливонским орденом для оправдания своих репрессивных действий по отношению к Шлитте и его команде. Именно они утверждали, что Шлитте везет в основном военных специалистов. Проследим еще раз последовательность событий и те сведения, которые можно найти в опубликованных источниках по этому вопросу.

К сожалению, нам остались неизвестными документы, хранящиеся в любекском архиве, а Г.В. Форстен, познакомившийся с документами архива в Любеке в конце XIX в., лишь перечислил и кратко описал акты по делу Шлитте, составляющие третий, четвертый и пятый тома отдела *Miscellanea Russica*²⁵. Один из актов Любекского архива содержал письмо Ревельского рата в Любек, датированное 19 июня 1548 г. Именно это письмо было, по всей вероятности, причиной всех последующих злоключений Ганса Шлитте. Ревель прежде всего указывал на лживость слухов о готовности великого князя перейти в юрисдикцию папского престола. Но главное, о чем сообщал Ревель, — это недопустимость знакомства русских с европейской культурой, поскольку это нанесет угрозу всей немецкой нации. Сношения русских с европейцами следовало блокировать и им всячески воспрепятствовать. Судя по выдержкам из этого письма, опубликованным у Г. Форстена, в нем содержалось и перечисление профессий специалистов, вывозившихся в Россию. Оно полностью совпадает с текстом императорской грамоты²⁶.

Любек же обвинил Г. Шлитте в том, что он вывозит сотни наемников. Об этом свидетельствуют письма Шлитте, написанные в тюрьме и обращенные к Любекскому рату. В письме от 12 октября 1548 г. он подробно рассказывает о своем мероприятии и о том, что он действовал не тайно, а открыто, под покровительством императора. В другом письме, написанном 17 января 1549 г., среди других интересных для нас сведений содержится просьба написать обо всем в Москву к царю и объяснить ему причины его неявики, а также опровержение того факта, что он пытался провезти в Москву несколько сотен ландскнехтов. Здесь важно то, что Любек, арестовав Шлитте, противодействовал императору, как и ливонские города. Поэтому и Любек, и Ливония собирали материалы, которые должны были убедить императора не пропускать «цивилизаторов» на Русь. Доводы Ливонии сводились к тому, что Шлитте набрал опытных в военном деле людей, которые смогут научить русских военному искусству, а это представляло прямую угрозу для Ливонии. Аргументация, призванная объяснить императору скрытую опасность миссии Г. Шлитте и оправдать поступок Любекского рата, повлияла на исследователей, и прежде всего на П. Пирлинга,

считавшего, что Шлитте обманул императора и набрал не «скромных пионеров прогресса», а хорошо вооруженных наемников, «рубак и кондотьеров», вид которых испугал граждан Любека²⁷. Однако заметим, что это письмо было оправдательным, и Орден, виновный в игнорировании грамот императора, мог специально преувеличивать опасность. Напомним, что, сидя в тюрьме Любека, Шлитте готов был, как пишет сам П. Пирлинг, предоставить списки набранных им людей с упоминанием их имен, званий и профессий²⁸. Вряд ли бы он пошел в своем положении на открытый подлог. Вероятно, этот список видел в прусском архиве К. Фабер. Он опубликовал список с указанием профессий лиц, завербованных Г. Шлитте.

В нем значатся: «4 *Theologen* [теолога]; 4 *Medici* [врача]; 2 *Juristen* [юриста]; 4 *Apotheker* [аптекаря]; 2 *Bruchschneider* [горных дел мастера или взрывателя]; 8 *Barbiere* [парикмахеров]; 8 *Bader* [лекарей?]; 1 *Kräbwätscher* [тот, кто моет руду]; 2 *Brunnenmeister* [гидромеханик]; 2 *Mühlmeister* [мастера по подъемным механизмам]; 3 *Zimmerleute* [плотника]; 12 *Steinmetzer* [каменотесов]; 8 *Tischler* [столяров]; 2 *Baumeister* [архитектора]; 2 *Glockengiëßer* [колокольных мастеров]; 1 *Glasmacher* [стеклодув]; 1 *Papiermacher* [изготовитель бумаги]; 2 *Bergleute* [горных инженера]; 1 *Wasserleitungs-Kundigen* [водопроводчик]; 5 *Dollmetscher* [толмачей]; 2 *Schlosser* [слесаря]; 2 *Uhrmacher* [часовщика]; 1 *Weinpfleger* [виноградарь]; 1 *Bierbrauer* [пивовар]; *Hopfen-setzer* [разводитель хмеля]; *Müingmeister*; 1 *Probierer (Wardein)* [пробирер]; 2 *Köche* [повара]; 1 *Basketenbäcker* [садовник]; 1 *Salzsieder* [солевар]; 1 *Kartenmacher* [картограф]; 1 *Leinweber* [ткач]; 2 *Stellmacher* [экипажных мастера]; 2 *Augsburger Wagenmacher* [аугсбургских каретных мастера]; 1 *Kürschner* [скорняк]; 1 *Oehlshläger* [маслобой?]; 1 *Haffner* [Тöpfer][гончар]; 1 *Drucker* [печатник]; 1 *Eisen* [мастер-оружейник]; 1 *Kupfer* [медник, или гравер по меди]; 1 *Hufschmidt* [кузнец]; 1 *Wurzmüller* [изготовитель пряностей]; 1 *Cantor* [органист]; 1 *Orgelbauer* [органный мастер]; 1 *Wollmacher* [изготовитель шерсти]; 1 *Falkner* [сокольничий]; 1 *Gipsgieser* [отливщик из гипса, формовщик]; 1 *Alaunsteder* [делающий квасцы]; 1 *Schwefelsteder* [делающий серу, добывающий серную руду]; 4 *Goldschmiede* [золотых дел мастера]; 1 *Goldschläger* [мастер по золотой насечке]; 1 *Buchbinder* [переплетчик]; 1 *Schneider* [портной]»²⁹.

Согласно этому списку, в Москву готовы были ехать два архитектора, двенадцать каменотесов, три плотника, восемь столяров и один формовщик. Таким образом, отряд строительных мастеров разных профессий был самым большим. В этом списке практически отсутствуют военные специалисты, правда, перечень знатоков химии показывает, что они были предназначены для изготовления пороха. Кроме того, вероятно, в этот список Шлитте внес только тех мастеров, которые приехали с ним в Любек. Как мы увидим далее, была и другая группа, она двигалась в Московию, минуя Любек, сухим путем, через Пруссию и Лифляндию. В той группе находился пушечный мастер, который требовался в России, согласно грамоте Ивана IV, выданной на руки Г. Шлитте.

К сожалению, нам неизвестны имена мастеров, перечисленных в документе, обработанном К. Фабером. Мы знаем лишь троих из группы, отправившейся сухим путем. Один из них — известный нам по запискам Фейта Зенга доктор

Иоагнн Цегентер фон Россенек, другой «искусный добрый оружейный мастер, звавшийся мастер Ганс» (*Buchsenmeister. — А.Б.*), о котором нам еще придется вспомнить³⁰. Известно, что он имел при себе руководство по оружейному или пушечному делу: «Переписанное им руководство по своему оружейному искусству, которое, как и московитский паспорт, вышеозначенный комендант Шванебурга забрал себе»³¹. Третьим был Вольф из Страсбурга, о котором также пишет Фейт Зенг, но профессия его неизвестна. Однако два спутника Шлитте вполне соответствовали категориям лиц, указанных в грамоте Карла V. Доктор Иоганн Цегентер фон Россенек мог быть и инженером. Разумеется, группа Шлитте представляла потенциальную военную опасность для Ливонии в связи с тем, что здесь были специалисты, которые действительно могли увеличить боеспособность московского государства. Но это явно не была команда рубак и кондотьеров.

Наконец, более важным представляется вопрос о том, смогли ли люди, собранные Шлитте, проникнуть в Россию? В том, что это могло произойти, был уверен Н.М. Карамзин, считавший, что «многие из немецких художников, оставленных в Любеке, вопреки запрещению императора и магистра Ливонского умели тайно проехать в Россию и были ей порукой в важном деле гражданского образования»³². Позже той же позиции придерживался и А.И. Успенский³³.

Дополнительные сведения о том, как происходило продвижение людей, собранных Шлитте, по направлению к Московии, дают записки Фейта Зенга. Он сообщает некоторые подробности, на которые обычно не обращали внимания авторы, писавшие о судьбе миссии Ганса Шлитте. Напомним, что Фейт Зенг был непосредственно знаком с Шлитте. По его словам, он познакомился с ним в конце 1555 г., когда тот был уже на свободе и делал попытки проникнуть в Московию. Фейт Зенг, одолживший деньги Шлитте, вынужден был затем внимательно следить за своим должником и собирать о нем все доступные сведения. Именно Фейт Зенг и сообщает о том, что в действительности отряд Шлитте был разделен на две группы. Фейт описывает это так: «После того как упомянутый Ганс Шлитте получил грамоту от императорского величества, он выехал с нанятыми им людьми: одна часть отправилась сушей через Пруссию на Лифляндию, другую же часть он взял с собой в Любек, чтобы оттуда ехать с людьми морем на Ревель». Фейт упоминает и о судьбе каждой из этих групп. Он повторяет сказанное Гансом Шлитте в письме к королю Христиану III о людях, прибывших в Любек: «А так как он там содержался под стражей, ему пришлось предоставить наемному люду обовшиветь и разбежаться. Из них многие еще живы»³⁴. Несколько иная судьба постигла, по его словам, вторую группу ученых и ремесленников: «То же случилось и с доктором Иоганном Цегентером, по прозвищу фон Россенек, которого шведы, наряду с Вольфом из Страсбурга и другими, отправили в Москву сухим путем. Когда они прибыли в Гольдинген в Курляндии, их там пять лет продержали в заключении. Вольф из Страсбурга отправился на службу в город Ревель и там умер. Остальные должны были возвратиться обратно, как видно из клятвенного обещания мстить за обиду, данного Лифляндскому Ордену упомянутым доктором»³⁵.

Ситуация конца 1548 г. которую описывали Фейт Зенг и Ганс Шлитте, была связана с инициативой ливонских городов и Ордена, просивших Любекский рат

не пропускать в Россию, как выразился П. Пирлинг, «цивилизаторов». Позиция же императора, высказанная им в Аугсбурге в январе 1548 г. в отношении свободы выезда ученых и мастеров из Империи на Русь оставалась неизменной вплоть до конца 1549 г. Все это время сохраняли силу и грамоты, данные им Шлитте. До осени 1549 г. репрессии в Любеке действительно касались только Шлитте как главы всей экспедиции. Ситуация резко изменилась в октябре 1549 г. Вследствие усилий ливонской стороны император прислал 12 октября 1549 г. письмо магистру ордена, в котором предписывал: «Нижеследующим мы повелеваем тебе со всей серьезностью, несмотря на наличие у кого бы то ни было наших паспортов, буде эти лица из Священной империи в Москву либо в иные страны и народы выехать вознамерятся, им этого нисколько не позволять и в оном ничуть не способствовать, а напротив, кто под защитой такого нашего паспорта проскользнуть попытается, о таком ты все подробно разведашь, и оного, и тех, что с ним, и в первую голову означенного Ганса Шлиттена вместе с нашим паспортом и прочими письмами, каковые он некогда от нас получил, — задерживать, о чем тебе надлежит нам или в отсутствие наше возлюбленным нашим братьям, наиподробнее сообщать и о состоянии этих лиц нам и возлюбленным братьям всю правду доносить»³⁶. С того времени Ливонский орден мог на законных основаниях осуществлять блокаду Московии, не пропуская в нее никого.

О том, что предписание императора выполнялось, красноречиво свидетельствует история с пушечным мастером Гансом. Известно, что он, невзирая на указ императора, пытался пробраться в Россию, но в 1551 г. был задержан в Шванеберге и посажен в тюрьму. Ему удалось бежать из тюрьмы, но о его побеге было сообщено в пограничный город Мариенбург. Здесь мастер Ганс был схвачен и отправлен обратно в Шванеберг, где ему отрубили голову³⁷.

Совокупность этих сведений показывает, что призыв Ревеля блокировать проникновение в Московию мастеров и ученых был не только услышан, но и воплощен.

В то же время, можно установить временной отрезок, когда теоретически был возможен проезд мастеров и ученых через земли, подчиненные императору Карлу V, — с января 1548 по октябрь 1549 г. Ни Шлитте, сидевший в любекской тюрьме с лета 1548 г. до своего побега в 1550 г., ни тем более Фейт Зенг, познакомившийся со Шлитте лишь в 1555 г., не могли иметь сведений о судьбе каждого мастера и ученого. История искусного пушечного или оружейного мастера Ганса не только говорит о непроходимости европейских границ. Прежде всего она сообщает о том, что мастера, набранные Шлитте, самостоятельно продолжали путь в Московию без своего «предводителя». Лифляндская хроника говорит, что мастера передвигались по Европе с собственными паспортами на двух языках — немецком и русском: «Когда же стремление москвитов залучить к себе подобных искусных мастеров и художников стало таким, что они начали изготавливать эти паспорта сами на обоих языках, московитском и германском, дабы им беспрепятственно передвигаться через свои земли, вплоть до самой Москвы»³⁸. Из текста трудно понять, кто изготовлял паспорта — москвиты или сами мастера и художники. Поскольку Лифляндская хроника весьма тенденциозно описывает

все происшедшее с экспедицией Шлитте, то, может быть, речь идет именно об имперских паспортах. С таким паспортом, ставшим недействительным после указа императора, передвигался по империи известный нам оружейный мастер Ганс³⁹. С подобными документами могли продолжать движение в сторону Московии до октября 1549 г. и другие ремесленники и специалисты. Их имена могли не попасть в местные архивы в случае успешного перехода границы. Заметим, что о мастере Гансе, как и о докторе Иоаганне фон Россенке и Вольфе из Страсбурга также не было бы ничего известно, если бы они успешно достигли Московии. Поэтому гипотетически остается возможность самостоятельного проникновения в Московию мастеров из Священной Римской империи.

Программа блокады Московии ливонскими городами продолжалась и в начале 1550-х гг. Вопрос о том, что Орден перекрыл пути проникновения на Русь мастеров, не раз поднимался на переговорах с Иваном IV. Так, в 1551 г. он грозил войной Ордену, если тот станет задерживать торговлю и не пропускать на Русь иностранцев⁴⁰. Весной 1554 г. Орден снова обвинялся в том, что не пропускает царю иностранных мастеров. В ответе орденских послов есть одна интересная деталь. Оправдываясь, они сообщили, что «Пропускать через свою землю иностранцев, не подчиненных Римской империи, не в воле магистра, ибо это запрещено всем чинам святой Римской империи». При этом послы сослались на последний рейхстаг, на котором многие государи и графы подверглись за это строжайшей каре. «Царю следовало, — говорят они, — испросить у римского императора свободный пропуск для иностранцев, тогда лифляндцы подчинятся велению императора»⁴¹.

В этих условиях Москве приходилось искать обходные пути, по которым можно было из империи попасть на Русь, минуя ливонские города. В связи с этим обращает на себя внимание один документ Копенгагенского архива, ранее не привлекавший должного внимания. Это грамота, по словам Ю.Н. Щербачева, на ломаном немецком, посланная на имя датского короля Христиана III от царя Ивана Васильевича в январе 1553 г. Здесь говорится о том, что «царь разрешил прибыть в свое государство немцу Арнту (*Arntt*) с цесарскими людьми для некоторых дел; просит короля пропустить Арнта через свою землю без задержания и предлагает, чтобы король послал к нему также посланного о своих делах, обещая отпустить его в скором времени»⁴². Речь идет о какой-то группе подданных императора во главе с неким Арнтом, для которой Москва добивалась права проезда через Данию. Может быть, здесь как раз и шла речь о части экспедиции Ганса Шлитте, стремившейся попасть к великому князю на службу. Нам следует снова вспомнить пушечного мастера Ганса. Подлинный текст Лифляндской хроники свидетельствует о том, что мастер Ганс пытался пробраться в Московию не в одиночестве, а в сопровождении ему подобных волонтеров (на что никогда не обращали внимания): «Поскольку он бежал из тюрьмы, но Марк Грекенхаген, бывший тогда капитаном области, отправил срочную депешу в Маргенбург (Мариенбург. — А.Б.) главе администрации, самому Иоганну Буглеру, о том, что означенный мастер Ганс и бывшие с ним схвачены вновь в двух милях от русской границы и доставлены обратно в Шваненбург» (курсив наш. — А.Б.)⁴³.

Подобной группой, пытающейся проникнуть в Россию, минуя опасную для их жизни Ливонию, могла быть команда имперских подданных, «цесарцев» во главе с немцем Арнтом.

Один из путей решения этой многолетней загадки — это исследование вопроса об участии западных мастеров в Казанской войне. Представление о том, что все попытки московского правительства нанять иностранных ремесленников и военных специалистов были пресечены неудачной миссией Ганса Шлитте, полностью опровергается описанием последнего Казанского похода. Летописи, содержащие подробный рассказ об осаде Казани, впервые прямо упоминают о присутствии в русском войске иностранного военного инженера. Действия русских, как можно судить по летописи, получили значительное саперное обеспечение, поскольку и сама Казань имела развитую систему обороны. Кроме башен и стен, она со стороны приступа была защищена глубоким рвом шириной в три сажени и глубиной в семь⁴⁴. За рвом у каждых ворот располагались земляные укрепления — тарасы, наполненные землей. Эта крепость только недавно успешно выдержала две осады русскими войсками в 1547 и в 1550 гг. Поэтому третий поход царя Ивана Васильевича коренным образом отличался от предшествующих попыток взятия этой крепости именно тщательным планом осады, основанной на создании особой системы осадных укреплений.

Весь город был окружен сплошной линией осадных укреплений, под прикрытием которых шел постоянный артиллерийский обстрел крепости, который начался 27 августа. Кроме того, в начале сентября царь приказал дьяку Ивану Выродкову поставить перед Царскими воротами Казани осадную башню («башьту») высотой в шесть саженей, куда были внесены пищали «полоторные и затинные» для обстрела не только стен, но и городских улиц⁴⁵. В то же время начались и приготовления к штурму, а именно подготовка подкопа под крепостные стены и башни для их последующего подрыва. К осуществлению такого плана приступили уже 31 августа. Судя по тому, что известно о русском военно-инженерном искусстве, подобная мера воздействия на крепость противника была абсолютной новацией. Вот здесь-то впервые летопись и называет имя иностранного сапера: «...призывает государь к себе немчина, именуема Размысла, хитра, навична градскому разорению, и приказывает ему подкоп под град учинити». Судя по данной ему характеристике, это был профессиональный военный инженер-сапер. Он начал подкоп от Булака между Талыковскими и Тюменьскими воротами. Кроме этого подкопа, ему поручили взорвать тайник у Муралеевых ворот, где находился ключ, снабжавший осажденных водой. Тайник был взорван вместе с казанцами, отправившимися за водой. От взрыва «и стена городная оплела и обрушилася»⁴⁶. Тот же метод был применен для устранения другой опасности — многочисленных подземных ходов, по которым татары проникали в ров, вылезали из-под тарасов и нападали на русские укрепленные батареи. Царь велел сделать 30 сентября подкопы под земляными укреплениями, защищавшими Царские и Арские ворота, и взорвать их. В день окончательного приступа, в ночь с первого на второе октября, Размысл должен был установить в вырытый под его наблюдением главный подкоп «зелие»⁴⁷.

Судя по летописному описанию, Размысл установил систему подкопов, взорванных последовательно. Этим заканчивается в летописи история пребывания Размысла на царской службе, однако, как мы увидим далее, были сделаны попытки проследить его судьбу по другим источникам.

Кем же был иноземный инженер, известный под русским прозвищем «Размысл»? Ф. Ласковский, автор фундаментального труда по истории фортификации, отвел ему значительное место в развитии русского военно-инженерного искусства. В соответствии с указанием «Летописца начала царства», он считал Размысла немцем по происхождению. В середине XVI столетия, как писал Ласковский, в Германии военные архитекторы стали называться инженерами, а само инженерное искусство вошло в состав математических наук, и нет сомнения, что приехавший к Ивану IV иноземец был назван в данном ему дипломе инженером, а может быть, и доктором математических наук, что соответствующим образом отразилось и на его русском прозвище. Появление Размысла, как считал Ф. Ласковский, положило начало приездам в Россию немецких строителей: «С этого времени мы уже не встречаем более итальянских военных архитекторов; но что было причиной такой перемены; трудность ли путешествий из отдаленной страны — убеждения ли тогдашнего правительства в односторонности сведений итальянских архитекторов, дружеские ли сношения с государствами более близкими к России, — все это не решено положительно»⁴⁸. Память о том, что военный инженер, обеспечивший подрыв казанских укреплений, был немцем, сохранялась достаточно долго. Рассказы об этом передавались иностранцам еще в начале XVII в. Так, в записках Исаака Массы мы находим любопытное упоминание о том, что мина в подкопе была устроена «искусным инженером Эразмом по происхождению немцем»⁴⁹.

Однако представление о Размысле как о немецком инженере может быть поколеблено летописным памятником, открытым А.Н. Насоновым в конце 1950-х гг. По своему содержанию так называемое «Троицкое сказание» о походе на Казань было близко к «Летописцу начала царства» и, по мнению А.Н. Насонова, было одним из его источников. Здесь известие о Размысле приведено с весьма существенными отличиями: «Некий же человек бе благочестиваго царя именем Размысл, родом литвин, сый хитр бе подкопы творити под градные стены. Сему же повелеша многие подкопы творити под градные стены»⁵⁰. Новая для исследователей версия литовского происхождения Размысла была поддержана А.А. Зиминим. Он убедился в точности известия этого «Сказания», сопоставив данные о действиях Размысла под Казанью с тем, как литовцы осаждали в 1535 г. Стародуб, где они также устроили подкопы под крепость. Это означало, что в Литве могли быть специалисты по устройству мин под городскими стенами. А.А. Зимин также ссылался на косвенные известия о проживавших в Москве середины XVI в. иноземцах польско-литовского происхождения. Он первым также обратил внимание на сообщение Генриха Штадена, содержащееся не в русском переводе И.И. Полосина, а в немецком издании, подготовленном Ф. Эпштейном в 1964 г. Описывая стены Вологодской крепости, Штаден говорит о казни их строителя по приказу Ивана Грозного,

несмотря на то что он взорвал «герцогство» Казань (*obwohl er dem Großfürsten Kassarinen spreugte, er heiß Herr Asmus*)⁵¹. Эти слова Штадена позволили Зимину сделать предположение о том, что именно Размысл был строителем Вологодской крепости. Он даже предположил, что его последующая казнь могла быть связана с недовольством царя ходом вологодского строительства. Здесь исследователь привлек и достаточно позднюю легенду о падении кирпича на голову царя во время осмотра им строящегося Софийского собора. С литвином Размыслом был отождествлен и Размысл Петров, упомянутый в писцовых книгах Коломенского уезда 1577–1578 гг. Эти книги показали, что он какое-то время владел селом Очкасовым на реке Москве⁵². Таким образом, вырисовывались достаточно четкие очертания судьбы литовского инженера, использованного Грозным после взятия Казани для строительства укреплений и награжденного за свою службу поместьем в привилегированном Коломенском уезде⁵³.

В истории Размысла, реконструированной А.А. Зиминим, многое остается гипотетичным, как например отождествление «*Herr Asmus*», а с литвином Размыслом. В то же время исследования в разных областях истории Москвы XVI в. подтвердили удивительную точность сведений, приводимых Генрихом Штаденом. Правда, в этом случае Штаден передает именно слух, а не собственные наблюдения.

Тем не менее интересно то, как современник определяет профессиональное пространство военного инженера XVI в. – от устройства подкопа до строительства крепости. «Летописец начала царства» также рисует нам вполне определенный образ Размысла как главного военного специалиста по подведению мин, которого особенно берегут. Понятно, что речь идет именно о военном инженере.

Принципиальным моментом для нашего исследования является то, что благодаря «Троицкому сказанию» открывается новый источник, из которого Москва могла получить к себе на службу ученых иноземцев, – Великое княжество Литовское. Это известие можно сопоставить с тем фактом, что оттуда происходил и книгопечатник, который также значился в списке людей, требующихся в Москве и привезенных в Любек. Этот печатник – Иван Федоров, который, по одной из версий, был уроженцем Петковичей, или Петковиц, и, возможно, был приписан к гербу Шренява. Из этого городка, находившегося в Южной Польше, или в Белоруссии, он, вероятно, и приехал учиться в Краковский университет, где получил степень бакалавра⁵⁴.

Однако другой летописный памятник XVI в., «Казанский летописец», представляет нам совершенно иной национальный состав военных инженеров, присутствовавших в русском войске под Казанью. Составление первой редакции «Казанской истории» было датировано Г.З. Кунцевичем периодом между 1564 и 1566–1567 гг.⁵⁵ Отличие «Казанского летописца» от «Летописца начала царства» и «Троицкого сказания о походе на Казань» в том, что здесь полностью отсутствуют какие-либо упоминания о «немчине» или «литвине» Размысле. Вместо него присутствуют итальянцы – фрязи. Сообщение об их участии в осаде Казани выделено в отдельную главу «О пришедших Фрязех ко царю Московскому и великому Князю». Приход на службу к московскому царю фрязей сравнивается с явлением Ангела Иисусу Навину перед взятием Иерихона.

Эти «новохитренныя мудрецы, Фрязи иноземцы» приходят к царю, который объясняет им всю сложность осады Казани: «Сказа им крепость града и непослабление казанцов... Они же реша ему не печалуи, господи царю, мы скоро и малеми деньми, аще волю подаси мне, ото основания низложим град, и наше есть дело сие. И на том приидохом, еже послужити Богу и тебе»⁵⁶. Первым творением рук фрязей «Казанская история» называет сооружение осадных башен: «И преже сего учиниша стрелцом с четырех стран града башни 4, Фряжским обычаем, с каменiem и з землею, крепки и высоки, с тремi бои, с верхним и с середним и с нижним, да сеядше в них огненныя стрелцы переменныя отгуду с высоты аки с небеси во град стреляху»⁵⁷. Речь, несомненно, идет о той же башне, которую устанавливал дьяк Иван Выродков перед Царскими воротами. Однако составитель «Казанской истории» увеличил их число до четырех. Затем фряжские «хитрецы» соорудили мосты через рвы и реки «мудростию великою» и лишь затем приступили к подкопу. «Казанская история» особо отмечает необычность такого способа ведения осады для русской традиции: «и вскоре другому делу болшому касаются, его же преже того ни хто же на Руси видал, и почаша ношцию тайно копати глубокия рвы под Казань град, с восточныя страны, под глубокою ону стремину, ото Арского поля, с приезде х Казани»⁵⁸. Эту новизну составитель подчеркивает еще раз, описывая, как фрязи успешно заканчивают работы, несмотря на попытки казанцев обнаружить подкоп⁵⁹. Итак, мы видим, что по «Казанскому летописцу» все осадное строительство при взятии Казани осуществляют фрязи.

Здесь следует специально отметить, что приход фрязей на службу к Ивану IV не является для хода повествования случайным. Впервые о «фряжах» или «фрягах», «Казанский летописец» сообщает при описании войска, которое вел к стенам Казани московский царь: «Руския силы число благородных князеи и бояр, великих воевод, и храб отрок, и крепких конник, и стрелец изученных гораздо, и сильных ратоборец и в твердыя пансыри и в доспехи оболченных 300 000, и огненных стрелцов 30 000 и в ладиях рати 100 000 и с касимовским царем Шигалеем и со царевичи иноязычныя силы татарския, служащих русскому царству князеи и мурз и казаков 60 000, к ним же черкасов 10 000, и мордвы 10 000, и немец и фряги и ляхов 10 000... Поиде царь князь великий... х Казани со многими и языцы реченными, служащие ему, с Русью, и с Татары, и с Черкасы, и с Мордвою, и со Фряги, и с Немцы, и с Ляхи...»⁶⁰. Как известно, «Казанский летописец» почти в два раза увеличил действительную численность русского войска, которая достигала ста пятидесяти тысяч человек. При этом все то, что составитель «Казанского летописца» написал по поводу «языцев», соответствует показаниям других источников. На стороне московского царя действовали и татары, и мордва, и черемиса, и чуваша. Так, свияжские воеводы, встречавшие царя по пути в Казань, вели с собой войско, разделенное на три полка. В третьем полку были «многие горние люди, князи и мырзы и казаки и Черемиса и Чюваша»⁶¹. Уже во время осады, 6 сентября, государь приказал взять Арский острог, сооруженный казанцами на Арском поле. С воеводами были отправлены стрельцы, казаки «да сеит Городецкой с всеми Городецкими Татары, да Еникей-князь с Мордвою Темниковскою, да горние люди многие, те и вожех

были»⁶². Таким образом, все сведения, которые приводит летописец о тюркских и угро-финских народах, подтверждаются другими источниками. Есть ли основания подозревать, что его же сведения о западных наемниках являются вымыслом? Остановимся в связи с этим на одной детали — сведения о присутствии в войске ляхов, то есть подданных польской короны, корреспондируются с сообщением «Троицкого сказания» о литовском происхождении Размысла. Также вероятно, что включение в состав иноземного отряда представителей основных европейских народов могло быть связано с желанием летописца подчеркнуть величие русского войска. Тем не менее закрывать вопрос о многонациональном составе иноземного отряда еще рано. Вспомним, что составитель «Казанского летописца» увеличил вчетверо количество осадных башен, но не выдумал сам факт создания такого инженерного сооружения.

Не меньший интерес вызывает и то, что «Казанский летописец» связывает все инженерное обеспечение осады Казани с иноземцами. Это одно из подтверждений сведений «Летописца начала царства» о немчине Размысле с учениками. В советской литературе эта тема достаточно долго замалчивалась. Место Размысла, а соответственно, и место иноземных военных инженеров, заняли должностные лица, отвечавшие перед царем за исполнение приказов⁶³. Источники определенно указывают на то, что инженерное обеспечение осады Казани было осуществлено иностранными инженерами. Исследователи, занимавшиеся анализом инженерного обеспечения Казанского похода, отмечали комплексный характер мероприятий, обеспечивших динамичный и активный характер осады. Это возведение временных осадных сооружений башенного типа, использование летучей сапы, то есть подвижных туров для образования защитного ограждения перед укреплениями казанцев, а также пороховых подземных мин, значительно уменьшающих сроки подготовки к штурму. Такая организация и продуманность всех действий русских при осаде Казани осознавалась в литературе как важнейший, почти революционный, этап в истории осадного искусства. Не был ли связан такой рывок с появлением на службе московского великого князя военных инженеров? Появление Размысла должно было произойти между 1550 и 1552 гг., то есть в течение двух лет, прошедших после неудачной попытки приступа к Казани до начала нового, на этот раз уже победоносного, похода 1552 г.

То, что Размысл был по «Троицкому сказанию» литвином, не снимает вопроса о том, не состоял ли он в числе людей, отправившихся со Шлитте в Москву. Несомненно одно — его приезд в Москву между 1550 и 1552 гг. связан с начавшимися в 1547 г. поисками военных инженеров, архитекторов, ремесленников и других европейских наемных мастеров. Возможно, он прошел в Московию со стороны Великого княжества Литовского.

Положение с получением иностранных специалистов стало иным в 1554 г., после переговоров царя с Ливонским орденом. Как известно, Москва продемонстрировала готовность силой заставить Орден соблюдать пункты договора. Среди его пунктов традиционно присутствовал и обязывающий пропускать в Москву мастеров⁶⁴. Договор, как известно, был ратифицирован только в 1556 г. (?), но с момента его подписания послами и до его окончательной

ратификации ситуация внутри Ордена изменилась. Интересно, что именно в 1554 г. император Карл V вызывает Любекский рат в каммергерихт (высший суд) за то, что Любек, вопреки имперскому постановлению, заключил Шлитте в темницу и самовольно отменил тем самым императорский указ⁶⁵. О переменах свидетельствуют и факты из жизни самого Шлитте. Есть сведения, что в 1557 г. он находился в Москве, куда за ним, по совету курфюрста Прусского, собирался отправиться Фейт Зенп⁶⁶: тогда это уже стало возможным. К середине 1550-х гг. история Шлитте стала хорошо известна и в Ливонии, и в Любеке, и в княжествах империи, а вместе с ней и то, что в Московии мастера будут обеспечены работой и, соответственно, заработком.

Во второй половине 1550-х гг. Московия приобретает значительно большие возможности для получения иностранных мастеров. Об иноземцах, служащих в эти годы Ивану IV, сообщает венецианский купец Марко Фоскарино, посетивший Москву в 1557 г. Описывая наклонности великого князя, читавшего много об истории Рима и других государств, венецианец пишет: «Он также часто советуется с немецкими капитанами и польскими изгнанниками...» Фоскарино очень красноречиво описывает интенсивный процесс наполнения Москвы немецкими военными специалистами: «Император обладает теперь многочисленной артиллерией на итальянский образец, которая ежедневно пополняется немецкими служащими, выписанными сюда на жалование»⁶⁷. О том, что наряду с военными специалистами московское правительство сохраняло неослабевающий интерес и к иностранным ремесленникам, говорит грамота от 24 февраля 1556 г., присланная новгородским дьяком Федору Еремееву и Казарину Дубровскому, о запрещении продавать иноземцам шведских пленников и об отправке в Москву тех из них, кто знаком с различными ремеслами: «...а которые будут немецкие полоняники у детей боярских и у всяких людей умеют делати руду серебряную, и серебряное дело, и золотое, и медяное, и оловяное, и всякое, и вы б тех людей велели детям боярским вести к нам на Москву»⁶⁸. Войны, которые вела Москва со Швецией и Ливонией, были самостоятельным источником получения тех разнообразных специалистов, которых Москва хотела получить еще в конце 1540-х гг. Так, в 1558 г. в Ливонии был взят в плен лицензиат права Каспар Петер Эльферфельд, ставший затем советником царя по вопросам Ливонии и получивший большое влияние при дворе⁶⁹.

У нас нет достаточно точных сведений о западных ремесленниках в 1550-е гг. Путешественники того времени больше фиксируют свое внимание на ландскнехтах, но вряд ли стоит сомневаться, что они прибывали вместе с военными специалистами — оружейниками, литейщиками и инженерами. Есть целый ряд свидетельств постоянного интереса Москвы к получению мастеров и докторов из Священной Римской империи. Как и в годы блокады, московское правительство старается обеспечить свободное перемещение «цесарских» докторов и мастеров через другие страны. Такой страной, как и в 1553 г., оказывается Дания. Транзит мастеров через эту страну становится одним из пунктов договора 1562 г. царя с королем Фредериком III. Договорная и Докончатальная грамоты оговаривают не только свободу торговли, пропуска датских купцов в русские города. Отдельный

пункт посвящен докторам и мастеровым, едущим в Россию из-за моря: «Также которые люди пойдут из-за моря дохторы, или мастеровые какие ни есть, на наше имя, — тебе, приятелю нашему Фредерику, королю тех людей, к нам пропускати, не держав, без всяких зацепок»⁷⁰.

Священная Римская империя как источник получения мастеров и военных специалистов на долгие годы притягивает внимание Москвы. Об этом очень ясно говорит Генрих фон Штаден: «Великий князь давно склонился к мнению, что следует поддерживать дружбу с римским императором, пока не перезовет он в свою страну всякого рода мастеров и воинских людей — столько, чтобы с их помощью оказать сопротивление крымскому царю»⁷¹. По словам Штадена, в Москве на рубеже 1560—1570-х гг. в иноземном населении Москвы преобладали немцы, татары и литовцы⁷². Его наблюдения подтверждаются словами Даниила принца фон Бухау, посла императора на переговорах в Москве в 1576 г., которые ценны для нас тем, что он отмечает именно мастеров, а не только военных, о присутствии которых в Москве и без того достаточно различных свидетельств. Он пишет: «Только в одной столице Московии живут более искусные мастера, которые, однако, по большей части немцы (*Germani*), в других же местах, кроме портных и сапожников, почти нет никаких»⁷³.

Таким образом, после Казанской победы Москва постепенно наводняется все большим количеством западных, преимущественно немецких и польско-литовских наемников, и ремесленников. О компактном поселении немецких ландскнехтов в Москве свидетельствуют многочисленные источники. Немецкие подразделения участвуют в боевых действиях русского царя. Так, в «Повести о победе над крымскими татарами в 1572 году» наемники упоминаются в качестве особой части, входящей в передовой полк, которым командовал воевода князь Д.И. Хворостинин: «А в передовом полку пошел воевода князь Димитрий Иоаннович Хворостинин да пришел на крымской на сторожевой полк да сними учял дело делати с *немцы* (курсив наш. — А.Б.) и со стрельцы и со многими дворяны и з детми боярскими...»⁷⁴. Количество собранных ландскнехтов — один из наиболее красноречивых показателей свободы проникновения в Россию западных специалистов, в которых постоянно нуждалась Москва. Помимо военных и ремесленников, московское правительство никогда не забывало и о строительных мастерах и инженерах. На переговорах Москвы с послами императора Максимилиана в 1576 г. эта просьба звучит так: «А что вы послове, в своем листе написали... что Государю нашему... из немецкие земли надобет, и Государь бы наш к брату своему... Маскимилияну цесарю приказал, и брат наш со своими великими послы пришлет и Государь наш... велел приказати к брату своему... *о церковных, и о городовых и о полотных мастерех* (курсив наш. — А.Б.), которые бы умели те дела гораздо делати, да о мастерах, которые дощатые доспехи делают таковы ж, как Ян принес нам в поминках»⁷⁵. Таким образом, архитекторы опять находятся рядом с мастерами-оружейниками из Священной Римской империи.

К сожалению, имена немецких ремесленников в значительной степени остаются для нас сокрытыми. Известны лишь те, кто упоминается иностранцами, оставившими записки, или чье ремесло предполагало подписание произве-

дения, или те, при упоминании чьих произведений имя мастера входило в идентификацию предмета. В этом отношении хороший материал представляет пушечное производство, поскольку пушки часто бывали подписными. Так, в 1550–1560-е гг. в Москве работал мастер Кашпир Ганусов. Это был крупный мастер, автор многих орудий, из которых известно десять. Одна из его пушек, названная в летописи «Кашпировой», участвовала в 1563 г. в осаде Полоцка. Он был учителем известного русского мастера Андрея Чохова⁷⁶. Одновременно с Кашпиром Ганусовым работал мастер Богдан. Сохранились сведения о восемнадцати орудиях, им изготовленных. В надписи на пушке-пищале «Дедок» он назван русским мастером, но при этом в описи о ней говорится так: «Пишаль медная *литовского* литья... на ней у казны герб... повыше герба подпись по латине “тысяча пять сот пятьдесят четвертого”... меж ушей и трав подпись русским письмом: “*русской* мастер Богдан”...» (курсив наш. – А.Б.). Из этого описания делался вывод, что мастер Богдан был русским или белорусом, работавшим или учившимся в Литве⁷⁷. Во всяком случае, характер описания наиболее ранней пушки с его именем показывает, что он был выходцем из Литвы. Это соответствует показаниям путешественников, в том числе и Штадена, о польско-литовских выходцах в Москве. Имя еще одного, на этот раз немецкого, оружейника называет Штаден: Ганс Купфершмидт, «медник», происходивший из Верхней Савойи⁷⁸.

Обогащение России мастерами за счет городов и государств Священной Римской империи становится теперь заметным не только для путешественников. В 1570 г. на Штетинском съезде город Любек, когда-то задержавший Шлитте, был обвинен в том, что он снабжает Московию мастерами и запрещенными товарами⁷⁹.

В сообщениях о работающих при Иване Грозном в Московии выходцах из Германии и Литвы возникает классический для всей Европы образ итальянского специалиста: художника, архитектора или инженера. Он появляется не только в главе «Казанского летописца» о пришедших к царю фрязях. Франческо Тьеполо, венецианец, не посещавший Россию, но написавший записки о Московии по неизвестным нам источникам, указывал, что Иван Грозный «пригласил из Германии и Италии инженеров и литейщиков, пушкарей, при помощи которых укрепили по-итальянски Кассан (Казань), Чатракан (Астрахань) и другие места, а также отлил большое число пушек»⁸⁰. Подобные же сведения сообщает Джованни Тедалди, посещавший Россию в 1550–1560-е гг. Его записки известны в изложении Антонио Поссевино: «Однажды Тедалди спрашивал у великого князя, почему он не дозволяет выезжать из Москвы иностранцам (всего больше у него итальянцев, которых он зовет фрязинами и держит их за искусство; за это, по его словам, он их любит...), — он ответил, что поступает так, что иначе они больше не возвратились бы, и что король Сигизмунд помещал бы их возврату... Вот почему с тех пор, как Нарва принадлежит Московиту, ему легче допускать отъезд итальянцев и иностранцев вообще»⁸¹. Нетрудно заметить: все упоминающие о фрязях сами были итальянцами, из-за чего их можно было бы заподозрить в некоторой априорной уверенности в том, что при всех европейских дворах должны были работать итальянские мастера. Однако

существует еще одно упоминание об итальянцах, принадлежащее известному историку русско-английских отношений И.Х. Гамелю, изучавшему английские архивы. Он называет и конкретный год и путь, по которому в Москву времени Ивана Грозного прибыли итальянские художники: «С 1565 г. к лапландскому берегу стали ездить антверпенские купцы. В 1570 г. они в первый раз побывали на Корельском море. На голландских кораблях приезжали тогда итальянские художники и мастеровые к Соловецкому монастырю, откуда по Онеге отправлялись в Москву»⁸². Мы не знаем источника сведений, но возможность привоза мастеров через европейских посредников не раз обсуждалась московским правительством в течение всего XVI в.

Возможность получения мастеров через страны, не заинтересованные в блокаде Московии, постоянно использовалась Россией. В середине 1550-х гг., когда усилия Москвы были направлены на преодоление блокады и на получение мастеров, стремящихся попасть на службу к великому князю, неожиданно появился принципиально новый источник получения необходимых специалистов. В 1553 г. к устью Двины подошел корабль Ричарда Ченслера, посланного «Торговой компанией открытия стран, островов, государств и владений, еще неизвестных и не соединенных морскими путями» для нахождения новых путей из Западной Европы в восточные страны. Как известно, это событие стало началом целой эпохи тесных торговых и дипломатических отношений России с Англией, благодаря которым царь в 1560-е гг. получил английских архитекторов и инженеров⁸³.

Активность этого процесса совпадает по времени с вывозом мастеров и военных из Священной Римской империи. Примерно тогда же, когда представители Любека обвиняются на Штетинском съезде в перевозке мастеров и, видимо, вооружения в Россию, польский король Сигизмунд с тревогой следивший за успехами английской торговли в России, в очередной раз с тем же увещеванием обращается к королеве Елизавете I в 1569 г.: «Москаль усиливается по мере большого подвоза к Нарве разных предметов... так как оттуда ему доставляются не только товары, но и оружие, доселе ему неизвестное, и мастера и художники... Казалось, мы доселе побеждали его только в том, что он был невежествен в художествах и незнаком с политикою»⁸⁴. Это письмо лучше другого документа показывает, как на протяжении практически всего царствования Ивана IV Русское государство вопреки сопротивлению стратегических противников шло к осуществлению того плана, который был обозначен еще в 1547 г., когда, как выразился прусский историк начала XIX в. К. Фабер, царь Иван Васильевич предпринял попытку «улучшить свою страну через образование, искусства и ремесла». Эта программа выполнялась независимо от тех затруднений, которые испытывал Шлитте в конце 1540-х гг. Он представляется нам не ловким дельцом и авантюристом, а целенаправленным агентом своего нового сюзерена, поставленным в экстремальные условия и не имевшим возможности получить помощь от страны, интересы которой он защищал ценой собственной свободы. В любом случае его миссия оставила отчетливый след в Средней Европе среди ремесленников и военных специалистов, осознававших свою востребованность в Московии. Появление в Москве специалистов, чьи профессии упомянуты в списке Шлитте,

свидетельствует о планомерном осуществлении программы поиска мастеров на территории Священной Римской империи. Нельзя отвергнуть и проникновение в Москву отдельных групп «цесарских людей», в том числе той, которую вез из империи немец Арнт (*Arntt*). Прекращение блокады не могло не привести к реализации намерений обеих сторон — и тех, кто стремился попасть в Московию из Европы, и тех, кто нуждался в европейских ремесленниках. Отсутствие в 1550 — начале 1560-х гг. попыток вывезти строительных мастеров из Европы дипломатическим путем, как при Василии III, может говорить прежде всего о том, что эти мастера в России были. Их недостаток стал ощущаться в середине 1560-х гг., когда последовали ясные просьбы к английскому престолу. Можно сказать, что с 1567 г. до середины 1570-х гг. правительство, получив инженеров и каменщиков из Англии, снова прекратило активную вербовку иностранных специалистов. Пожар Москвы 1571 г., в котором погибают мастера, а также начавшийся экономический кризис, во время которого оставшиеся в живых англичане, видимо, под давлением Елизаветы I, возвращаются к родным берегам, становятся причиной того, что в середине 1570-х гг. правительство снова оказывается перед необходимостью искать специалистов в Европе. С этим связано обращение к императору Максимилиану.

Таким образом, даже отрывочные сведения показывают, что поиск архитекторов (военных инженеров) и строительных мастеров велся правительством Ивана Грозного постоянно с 1547 г. до 1570-х гг. Есть все основания полагать, что миссия Ганса Шлитте дала импульс процессу, благодаря которому значительные группы мастеров и специалистов начали стремиться на службу к московскому государю. Это движение начинается с территорий, входивших в Священную Римскую империю. Учитывая состав империи, можно предположить, что состав этих мастеров мог быть многонациональным, включая также и итальянцев, тем более что среди них могли быть не только подданные императора. Сведения о работавших в России архитекторах из Англии дополняют представления о том, что в России времени правления Ивана Грозного могли одновременно действовать выходцы из различных европейских стран. Это обстоятельство составляет отличие этого периода от эпохи Ивана III и Василия III, отмеченной доминированием итальянцев в осуществлении архитектурных программ московских государей.

¹ Баталов А.Л., Швидковский Д.О. Английский мастер при дворе Ивана Грозного // Архив архитектуры. М., 1992. С. 102–109.

² Баталов А.Л. Литвины польской короны на службе московского царя. К постановке проблемы // Пинакотека, 2005/1. М., 2005. С. 190–193.

³ Флоря Б.Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля // Искусство Москвы периода образования русского централизованного государства (Материалы и исслед. / Гос. музей Московского Кремля; 3). М., 1980. С. 15–16.

⁴ Памятники дипломатических сношений. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 165.

⁵ Там же. Стб. 14.

⁶ Флоря Б.Н. Русские посольства в Италию и начало строительства Московского Кремля. С. 16–17.

⁷ Памятники дипломатических сношений. Стб. 93.

- ⁸ *Щербачев Ю.Н.* Русские акты Копенгагенского архива. СПб., 1897. С. 31.
- ⁹ *Железнов В.Ф.* Указатель мастеров русских и иноземцев, горного, металлического и оружейного дела и связанных с ними ремесел и производств, работавших в России до XVIII в. СПб., 1907. С. 25, 39.
- ¹⁰ *Кавельмахер В.В.* Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII в. // Колокола: История и современность. 1990. М., 1993. С. 8–88.
- ¹¹ «Кто составлял рисунок орнаментики орудия, русский или иностранный художник, сказать сейчас нельзя, как нельзя сказать, кто был и сам Игнатий» (*Лебедянская А.П.* Очерки по истории пушечного производства Московской Руси // Сборник материалов Артиллерийского исторического музея. Л.; М., 1940. Т. 1. С. 76).
- ¹² АИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 204, № 140.
- ¹³ *Кивимяэ Ю.* Петр Фрязин или Петр Ганнибал? Итальянский архитектор в позднесредневековой Руси и Ливонии // Крепость Ивангород: Новые открытия / Сост. М.И. Мильчик. СПб., 1997. С. 237–245.
- ¹⁴ *Полосин И.И.* Из истории блокады Русского государства // Материалы и исследования по истории СССР. М., 1955. Т. 2: Документы по истории XV–XVII вв. С. 256.
- ¹⁵ *Pierling P.* Rome et Moscou (1547–1579). Paris, 1883. P. 11, ref. 2.
- ¹⁶ *Faber K.* Nachricht von der fehlgeschlagenen Unternehmung des Zars Jwan Wasiliewitsch, sein Land durch Gelehrte, Künstler und Handwerker aus Deutschland zu verbessern // Faber K. Preussisches Archiv oder Denkwürdigkeiten aus der Kunde der Vorzeit. Dritte Sammlung mit einem Plan. Königsberg, 1810. S. 6–7.
- ¹⁷ *Fiedler I.* Ein Versuch der Vereinung der russischen mit der römischen Kirche im 16 Jahrh. // Sitzungsbericht der Philosophisch-historischen Klasse der Kais. Akademie der Wissenschaften. Wien, 1862. Bd. 40. S. 78–79.
- ¹⁸ Monumenta Livoniae a antiquae. Riga; Leipzig, 1847. Bd. 5. S. 114.
- ¹⁹ *Fiedler I.* Ein Versuch der Vereinung der ruischen mit der römischen Kirche im 16 Jahrh. S. 78–79.
- ²⁰ *Пирлинг П.* Россия и папский престол. М., 1912. С. 344.
- ²¹ Цит. по: *Щербачев Ю.Н.* Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М., 1893. С. 288–290.
- ²² *Щербачев Ю.Н.* Копенгагенские акты, относящиеся до русской истории // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. 307.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Щербачев Ю.Н.* Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. С. 290–291.
- ²⁵ *Форстен Г.В.* Архивные занятия в Любеке и Данциге // ЖМНП. 1890. № 8. С. 292–294.
- ²⁶ *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. Т. 1: Борьба за Ливонию. С. 44, примеч. 4.
- ²⁷ *Пирлинг П.* Россия и папский престол. С. 346.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Faber K.* Nachricht von der fehlgeschlagenen Unternehmung des Zars Jwan Wasiliewitsch, sein Land durch Gelehrte, Künstler und Handwerker aus Deutschland zu verbessern. S. 9.
- ³⁰ Monumenta Livoniae a antiquae. Bd. 5. S. 115.
- ³¹ Там же (перевод автора).
- ³² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1819. Т. 8. С. 113.
- ³³ *Успенский А.И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913. С. 59.
- ³⁴ Донесение нярябергского купца Фейта Зенга аугсбургскому рейхстагу о торговых операциях в Русском государстве и понесенных им издержках // Материалы и исследования по истории СССР. М., 1955. Т. 2: Документы по истории XV–XVII вв. (перевод И.И. Полосина). С. 258.
- ³⁵ Там же. С. 258–259.
- ³⁶ Monumenta Livoniae a antiquae. Bd. 5. S. 115. Краткий вариант на русском языке опубликован: Летопись Россова // Сборник материалов по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 318.
- ³⁷ Monumenta Livoniae a antiquae. Bd. 5. S. 115.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ «Один весьма искусный добрый оружейный мастер, звавшийся мастер Ганс, возжелав с таковым паспортом податься в Москву, был задержан и на четыре года заточен в темницу города Швансбург в 51 от Рождества Христова» (Там же).
- ⁴⁰ *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). С. 85.

⁴¹ Отчет о переговорах ливонских посланников с князем Алексеем Федоровичем Адашевым и с дьяком Иваном Михайловичем Висковатым – 28 апреля – 1-го июня 1554 г. // *Щербачев Ю.Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. М., 1915. Вып. 1. 1326–1569 гг. С. 24, № 20.

⁴² *Щербачев Ю.Н.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. С. 22, № 19.

⁴³ Там же (перевод автора).

⁴⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. ч. 1. С. 213.

⁴⁵ Там же. С. 211.

⁴⁶ Там же. С. 210.

⁴⁷ Там же. С. 215.

⁴⁸ *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России: Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб., 1858. Т. 1. С. 258–259.

⁴⁹ *Масса И.* Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии / История России и Дома Романовых в мемуарах современников. М., 1997. С. 21.

⁵⁰ *Насонов А.Н.* Новые источники по истории Казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 19.

⁵¹ *Epstein F.T.* Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Nach der Handschrift des Preußischen Staatsarchivs in Hannover. Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde. Bd. 34. Hamburg, 1964.

⁵² «За Карпом за Ивановым сыном Жеребятичева а преж того поместье было за Розмыслом за Петровым сыном: село Очкасово-Коромышева на р. на Москве» (*Калачов Н.В.* Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1, отд. 1. С. 485). По названию села А.А. Зимин сделал вывод, что оно было получено Размыслом после 1566 г., когда И.М. Карамышев, которому оно могло принадлежать, был казнен.

⁵³ *Зимин А.А.* Участник взятия Казани в 1552 г. литвин Размысл Петров // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 275–278.

⁵⁴ *Немировский Е.Л.* Иван Федоров: около 1510–1583. М., 1985. С. 13–22.

⁵⁵ *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 178–180.

⁵⁶ ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 138.

⁵⁷ Там же. С. 139.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 140.

⁶⁰ Там же. С. 113.

⁶¹ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1. С. 200.

⁶² Там же. С. 210.

⁶³ *Шор Д.И.* Методы инженерного обеспечения осады укрепленных городов и крепостей, применявшиеся русскими войсками в XVI–XVIII вв. // Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. М., 1958. С. 68.

⁶⁴ *Шаскольский И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 396.

⁶⁵ *Форстен Г.В.* Архивные занятия в Любеке и Данциге. С. 292.

⁶⁶ В поисках Шлитте Фейт Зенг отправился в Пруссию к курфюрсту в Кенигсберг. Фейт Зенг пишет: «Когда же я в 57 году прибыл в Кенигсберг в Пруссии, я доложил все дело его княжеской милости. Его княжеская милость просмотрел его и сказал мне, что раз дело так обстоит, то мне следует ехать в Москву, разыскать там часто упоминавшегося Ганса Шлитте с делом и последнее вместе с ним передать великому князю» (Донесение нюрнбергского купца Фейта Зенга аугсбургскому рейхстагу о торговых операциях в Русском государстве и понесенных им издержках. С. 260).

⁶⁷ Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 56–57.

⁶⁸ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 151.

⁶⁹ *Беляев Л.А.* Лицензиат при дворе Иоанна Грозного. Надгробие Каспара фон Эльферфельда на древнейшем кладбище иностранцев в Москве. С. 233–245.

⁷⁰ *Щербачев Ю.Н.* Русские акты Копенгагенского архива. С. 73.

⁷¹ *Штаден Г.* Записки немца-опричника / Сост. и ком. С.Ю. Шокарева. М., 2002. С. 77.

⁷² «Большая часть иностранцев на Москве теперь немцы, черкасские татары и литовцы» (*Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 84).

- ⁷³ Иностранцы о древней Москве. С. 82.
- ⁷⁴ *Буганов В.И.* Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1961. С. 270.
- ⁷⁵ Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 542.
- ⁷⁶ *Лебедевская А.П.* Очерки по истории пушечного производства Московской Руси. С. 80–82.
- ⁷⁷ Там же. С. 77, 79.
- ⁷⁸ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. С. 221, примеч. 370.
- ⁷⁹ *Щербачев Ю.Н.* Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. С. 75.
- ⁸⁰ Иностранцы о древней Москве. С. 64.
- ⁸¹ *Шмурло Е.Ф.* Известия Джiovанни Тедалди о России времени Ивана Грозного // ЖМНП. 1891. № 5. С. 132; Иностранцы о древней Москве. С. 65–66.
- ⁸² *Гамель И.Х.* Англичане в России. СПб., 1865. С. 109.
- ⁸³ *Баталов А.Л., Швидковский Д.О.* Английский мастер при дворе Ивана Грозного. С. 102–109.
- ⁸⁴ *Толстой Ю.В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией (1553–1593 гг.). СПб., 1875. С. 32.